

Слава Сергеев

Где ты был, Адам? В эмиграции, Господи, не на войне

Из дневника 2022 года

* * *

18.03

Почти двадцать дней в Иерусалиме. Не писал здесь ничего – было не до того. Сборы вызывали много нервов, а отъезд прошел буднично. Как будто не в эмиграцию, а в отпуск, только сумок много. Подошло такси, день был солнечный, около 12 пополудни, шофер закинул чемоданы в багажник, я оглянулся на окна, хлопнули дверцы – и мы поехали.

Было не очень холодно, лежал снег, но пахло уже весной. Какой-то чувак, вышедший покурить из офисов напротив, смотрел на нас, не отрываясь.

Проехали наш дом, повернули за угол, мелькнули кафешка и магазин, в которые ходили почти каждый день, машин на проспекте было много, развернулись, свернули на третье кольцо и поехали там быстро, как в туннеле. Мелькнул Новодевичий...

Приехали в Домодедово, выгрузили чемоданы, расплатились с таксистом, на тележке доехали до регистрации. Какой-то мальчик-секьюрити (от *Сохнут*) кратко опросил нас по еврейским делам и мы сдали чемоданы. В аэропорте было все, как всегда: суета, громкие объявления, ощущение ажиотажа – но никакой войны. Мы выпили кофе с провожавшей нас подружкой жены, потом пошли на контроль. Противная гэбешная пограничница (рядом сидела более нормальная, но я к ней не попал) зло спросила меня, какова цель поездки, и я, вдруг тоже разозлившись, сказал: ПМЖ. За час до этого не хотел так говорить, да и сам был не уверен.

Она что-то долго смотрела в компьютере, потом на барьерчике возле них зажегся зеленый свет, я толкнул калитку, она не поддавалась.

– Ещё раз, – насмешливо сказала пограничница.

Так началась наша эмиграция. Шел пятый день войны.

Кстати, хорошо помню её первый день. Проснулся поздно, жена сказала, что мол, “началось”, и заплакала. Много говорить не ста-

ли, и я вышел пройтись, посмотреть, что и как, и по каким-то мелким делам. Было очень солнечно, чуть ли не первый солнечный день после месяца февральской серости, обычная московская суета, но возле одного из подъездов на Проспекте стоял мужик и, не видя, смотрел куда-то перед собой. Обычный мужчина из хорошего района Москвы, дорого одетый, правда несколько небрежно и какой-то помятый, будто с похмелья. К нему подошел еще один, пободрее, в синей лыжной шапочке.

– Ты чего тут, Михалыч?

– Да вот вышел, чтобы дома не сидеть, не могу. Пиз...ец какой-то...

– Синяя шапка оглянулась на меня, и они понизили голос.

Я дошел до киоска, хотел купить газету – никаких газет не было, кроме *Завтра*. Прошелся, дошел до Н-ской площади, в большом сквере за ней было малоллюдно, я помахал руками, сделал небольшую зарядку. Потом спустился вниз по бульвару и зашел в одну контору, какие-то бумажки дооформить. Поздоровался.

Девочки были знакомые, и я сказал:

– Тяжело чего-то, да?

– Да мы сами тут сидим с утра, как пришибленные, – сказала одна, постарше. – Вы вот эти кадры видели?

– Какие?

Она показала.

– А, эти, слава Богу, нет...

Мы немного поговорили, они предложили чаю, я отказался, потом в комнату зашла подтянутая женщина с короткой стрижкой, в брючном костюме, без верхней одежды, видимо коллега из соседнего офиса.

– Ну, как вы тут?

– Да вот, не очень...

– Пойдем, поговорим.

Они вышли в чайную комнату и до меня донеслось:

– Я разговаривала с Сашкой, ну этот... ты его знаешь... ему ребята сказали, что всё это ненадолго, дней на пять, максимум, на неделю... Возьмут Киев, и все.

– Да? – моя знакомая обрадовалась, и я почувствовал, что я тоже обрадовался, хотя резануло это “возьмут Киев” – как “возьмут”, чем, зачем?..

Но обрадовался почему-то ненадолго. Не поверил... Что-то в брючном костюме вызывало мое недоверие. Возможно, излишняя энергичность. И этот её Сашка...

Самолёт был небольшой, не Боинг, проводницы не говорили по-русски, только английский и иврит. Поехали к взлетной полосе, я обратил внимание, что самолетов у терминала *Вылет* было как-то необычно мало... Взлетели. Красное зимнее солнце висело низко над рваными облаками, в Москве наступал вечер. На мониторчике над креслом был проложен маршрут, белым пунктирчиком. Сначала он шел почти над *Донецком*, и я подумал, вот бл...дь, экономят горючее, но потом пунктирчик стал отклоняться на восток, все дальше и дальше, в результате мы летели над *Курском* и *Баку*. После *Баку* над *Турцией*.

После *Турции* небо очистилось от облаков, внизу стало видно море, потом солнце село (очень красиво), и море угадывалось, море темноты с редкими-редкими огоньками – кораблей. Всю дорогу перебрасывались фразами с соседом, энергичным молодым москвичом в кожаном пиджаке. Он был полон планов, о политике говорил неохотно, и то и дело прикладывался к фляжке с виски, купленной в дьюти фри. Засмеялся: возможно, скоро снова придется переходить на армянский коньяк... Поправил себя: впрочем нас это не касается, ха-ха-ха...

Когда самолет садился в *Израиле*, стал виден полный огней город внизу – на фоне белого самолетного крыла с израильским голубым шестигранником. До того настроение было так себе, а тут я вдруг обрадовался:

Слава тебе, Господи, уехали!..

Но летели пять часов вместо трёх.

Медленно-медленно шел с чемоданом по залу *Arrival*. Жена ушла вперед. Автомат (приложил паспорт) выдал визу. Потом по общему залу. Ни одного человека в форме. Смотрел по сторонам, где они? Ни одного. Задержался у табло рейсов. В *Париж*, в *Лондон*, *Бомбей*, *Лос-Анджелес*... Сотрудник Министерства Алии¹ спросил:

– Вы устали? Помочь?

– Нет, просто не могу поверить, что сюда приехал...

Он кивнул, потом долго поглядывал на меня с сочувствием. Шел впереди, недалеко. Потом анализ на ковид, большинство сестер – арабки, веселые, симпатичные, но все в хиджабах, некоторые в черных – здравствуй, *Израиль*, потом большой автобус, и на окра-

¹ Министерство по делам эмиграции (ивр.).

ине Тель-Авива, у моря, отель. Сказали, что, наверное, будут только сутки карантина, раньше было пять. Жаль, отдохнули бы, всё-таки последние несколько дней с войной и сборами были очень нервными... Было неясно, летим мы или не летим – война все же. Когда вошли в номер, подошел к окну. Пустое шоссе, фонари, пальмы у берега и море, вдали какая-то то ли колокольня, то ли маяк. Я попытался подумать, что всё это похоже на отпуск в Турции – пейзаж-то почти тот же, но сразу почувствовал, что *не похоже* – ощущения были совершенно другие. Тревоги стало меньше, но она никуда не исчезла.

Написал смс сестре: мы добрались. Несмотря на ночь, она не спала, ответила: ура!..

21.03

Оказалось, что у нас оплачены две недели завтраков в ближайшем кафе, как у *новеньких*, чтоб не голодали. Спасибо.

Забавное место, в иерусалимском марте чем-то немного напоминающее мартовский Крым, где мы провели две весны подряд в конце нулевых. В Иерусалиме в марте дождливо, холодно, как и в Крыму, мы садились на крытой веранде, очень похожей на веранду на ялтинской улице Рузвельта и смотрели, как за окном, под холодным ветром качаются кипарисы. И там и тут кофе, яичница, салат, стакан сока... Я чувствовал себя одновременно Буниним и Лоренсом Даррелом. В кафе лежали газеты, в основном, на иврите, но была одна на английском – *Jerusalem Post*. Слышал про неё еще в Москве, может быть, читал у Даррелла. Взял, открыл. На первой странице большие фотографии Путина и Зеленского, и какие-то танки и бронетранспортёры на сером мартовском снегу среди голых деревьев. И большое слово – WAR... Сразу пропала вся благодать и расслабленность, как будто кто-то, схватив за руку, рывком вернул, притащил в реальность. Подумал, что в Крыму 2009 года я играл в эмиграцию, репетировал, а сейчас репетиции кончились, мы и правда – эмигранты!..

Хочу вам сказать – не очень приятное чувство.

22.03

Жена психолог. У нее клиент по Zoom, менеджер *среднего звена* из известной московской компании, 35 лет, хорошая зарплата, квартира, машина, семья, совершенно аполитичный человек:

– Я поймал себя на том, что боюсь ментов. Проезжаю мимо поста ГАИ, начинают потеть руки, и чувствую: боюсь, что остановят... – Остановят и что? – Подкинут наркоту, пришьют дело. – Зачем, вы же не участвуете в политике? – Ну и что, деньги вымогать будут. – А раньше боялись? – Нет, точнее, не так сильно.
– Почему сейчас?
– Сейчас всё можно.

25.03

Бывшему главреду *Эха Москвы*, Венедиктову, подкинули под дверь свиную голову в парике. Какой-то Берлин, 1936. Или 1933? Интересно, сколько это стоило? В смысле, сколько получили исполнители? Такое чувство, что не очень дорого. А вот организаторы, наверное, на хорошем окладе.

Подумал вдруг, что в этих мыслях есть что-то утешительное: смертоносной идеи, владеющей всеми – нет. Она, может быть, есть где-то далеко, на самом верху, и то, не уверен. У большинства есть *работа*. Очень денежная. И, в общем, всё, или почти всё.

Гуляем по району Рамот. Это на горах, окраина Иерусалима, религиозный район. Тихие улицы, двухэтажные дома, пальмы и пинии. Кое-где кактусы. Безлюдно. Видел, как цветет алоэ – длинные красные стрелки. Говорят, он цветет раз в 100 лет. Правда ли, не знаю; посмотрел в Интернете – пишут, что раз в двадцать. Тоже долго. Почему-то подумал, что это хорошая примета и домашний ужас – ненадолго... Многие колючие *листы* были оборваны. Мы тоже взяли листочек. Будем выращивать дома.

Потом выяснилось, что здесь алоэ цветет почти каждый год.

Через овраг, *вади* по местному, арабское поселение. Стоял, рассматривал. Наша еврейская часть обустроена – коттеджи, асфальт, красные черепичные крыши, много цветов. Там – никакого асфальта, просто дома, машины и две большие новые мечети, ночью странная зеленая подсветка, в ней все-таки есть что-то угрожающее, или мне кажется? По вечерам на весь район очень красиво поет мулла. Протяжно, умиротворяющее. Как с такими песнями можно быть агрессивным?.. Там есть магазин, который, конечно, работает в субботу, но местные сказали, что ездить туда нельзя – могут бросить камень. Некоторые все равно ездят, потому что там дешево...

Этот конфликт, как торфяной пожар. Сверху все вроде нормально, а наступать нельзя, там внизу – огонь.

Сказали, что пару лет назад в районе был теракт – на *детской площадке*, и что террористы пришли оттуда.

Странно, в районном супермаркете кассирша – девочка-арабка, в чёрном платке. Очень весёлая, помогает упаковывать продукты в пакет (здесь это нечасто). И в аптеке – фармацевты-арабы. Хорошие, внимательные, терпеливо слушают мой *broken English*. Им хорошо здесь – через овраг зарплаты в два раза меньше.

Но когда я что-то спросил про Израиль и Палестину, вполне безобидное, сразу закрылись: простите, сэръ, я не понимаю, я плохо говорю по-английски.

Боже мой, всё равно – какое счастье, что мы здесь. Ужасные новости из дома, из Украины. В Москве подавленность (друзья пишут) – и кадры разрушенных домов Мариуполя.

26.03

Гуляли по району с другой стороны шоссе. Крайняя улица – ряды коттеджей, кипарисы, вьющиеся цветы, тишина. Потом склон холма, поросший лесом. Подумал вдруг, что, наверное, смогу здесь жить.

Ближе к шоссе, вглубь района – многоквартирные дома. Есть новые, но много старых, 1970-х годов. Давно не крашенные и облезлые – там бедность. Причем некоторые облезлые дома – сотами, как у Хундертвассера². Это подражание или он сам? Если сам – то почему в таком виде?..

В районе много синагог. Это странно и непривычно, в Москве при СССР была одна, и там, на праздниках дежурили дружинники, чтобы молодежь не ходила, ловили студентов и школьников, отводили в отделение, а теперь целых три.

И то, некоторые говорили: куда им – так много?

Шли мимо в нашем районе, а там Бар-Мицва – праздник совершеннолетия подростков, что-то вроде крещения у христиан или инициации. Музыка, нарядные люди – мужчины в чёрных костю-

² Знаменитый австрийский архитектор середины XX века, еврей по происхождению, пострадал от нацизма.

мах и шляпах, женщины в длинных, цветных платьях с высокими тюрбанами на головах, и бегающие, веселящиеся, кричащие дети в маленьких кипах. Это открытое еврейство очень непривычно. Жена хорошо сказала, хотя немного высокопарно: это народ, по-настоящему поднявшийся с колен.

Примерно раз в две недели – десять дней прихожу к Западной стене, по-русски – Стене Плача. В первый раз по приезду чуть не упал на нее – на последних метрах вдруг кончились силы. *Дошли...*

Кстати, о цветах. Весна, много всяких пахучих травок, лаванда, базилик. Наша московская знакомая, уехавшая сюда года три назад, научила: можно сорвать и положить в чай. Эмигрантский чай с лавандой и базиликом со Святой земли. Помоги, Господи.

Помню разговор с ней, когда они уезжали. Разговор происходил на Никитском бульваре весной, в мае, году в 2019-м. Мы встретились случайно, и она сказала, что они с мужем собираются. – Совсем?.. Зачем? – искренне удивился я. – Сиди-сиди, – сказала она. – Досидишь, что побежишь в одной тапочке... Я засмеялся, но расстался с ней с каким-то странным, нехорошим чувством: вдруг возникло ощущение, что она права. Я постарался его отогнать, пошел в кафе, потом в книжный, кому-то позвонил...

То есть уже тогда было понятно, чем все кончится.

6.04

Вчера были в магазине секонд-хэнд. Подвальчик многоквартирного дома, унылый двор, чахлая растительность. Во дворе играющие дети, сидящая на парапете молодая мама со скучающим взглядом... Магазин – трехкомнатная квартира на первом этаже, наполненная старой одеждой и обувью, безвестными остатками, кусками чьей-то жизни. Был такой испанский писатель – эмигрант, убежавший от Франко, Гомес де ла Серна, он написал где-то: “в старой обуви есть что-то бесстыдное...”³. Добавлю: бесстыдно-человеческое... Держит магазин высокая громогласная женщина с огромной грудью – ее зовут Фрейда. Это не настоящее имя, ее зовут Инара... Она приняла веру, сделала гиюр. На стене портрет седобородого ста-

³ Рамон Гомес де ла Серна (1888–1963) – испанский писатель, сочувствовал республиканцам, эмигрировал в Аргентину.

рика в чёрной шляпе, с умным волевым лицом – Любавический ребе. Она приехала в Израиль из Америки, а до этого жила в Риге. – Где? – удивленно переспрашиваю я. – Отец – военный, русский, то есть еврей, отсюда хороший русский язык. После перестройки и получения независимости остался в Риге, потом уехал сюда – в 1990-х русским там было некомфортно. Мама русская, она тоже здесь. Она уехала в Америку в 1994-м, в 19 лет, работала там, пыталась учиться, потом приехала сюда в гости – и ей как-то зашло, понравилось...

– А где вы жили в Риге, не помните? – спрашиваю я. – Улица Элизабетес, в центре. У нас не было горячей воды, была такая штука, надо было поджигать и ждать... Это называлось...

– Колонка, – подсказываю я. – Улицу Элизабетес я, как ни странно, помню, хотя не был в Риге лет двадцать. Это старая улица в центре, там когда-то жили знакомые.

– Там недалеко эта их статуя, – говорит Фрейда и поднимает руки вверх, как будто держит в них что-то, – их Свобода, Бривибас...

Кстати, она собиралась в Ригу этим летом, как я думаю, не придет туда Путин?..

8.04

Вчера тихий день, прогулка, кофе в кафе в торговом центре (что-то вроде *Шоколадницы* на метро Коломенская), потом занятия ивритом, идет плохо, потом жена ходила к соседке, беженке из Украины. В первый раз возникло это словосочетание – *беженка из Украины*.

Дичь какая то – откуда? Какая... – *беженка?*..

Хотя и то сказать, что довольно поздно – возникло слово.

Вечером разговор по телефону с одноклассницей, она давно здесь – про то, как она обживалась в 1990-х (очень трудно) и вдруг через час её смс с линком – Теракт в Тель-Авиве. Не стал смотреть сначала, у неё на эту тему фобия, потом вспомнил: наши товарищи и соседи по дому, а также по эмигрантскому счастью-несчастью, ребята из Питера, сегодня поехали в Тель-Авив, её день рождения праздновать. Интересно, что испугался я не сразу, всё-таки Тель-Авив – большой город, но потом написал, на всякий случай:

– Как дела?

Быстро пришел ответ:

– Сидим в бомбоубежище, ждём, пока стрелков не поймают.

Потом еще:

– Компания теплая, атмосфера хорошая.

– ???!...

Мы ох..ели... Причём, как-то не сразу. Шли по улице, желтый свет, тихо, деревья все уже зеленые, а кто-то сидит в бомбоубежище и какой-то идиот (идиоты) по ним стреляют.

Я написал:

– Созвонимся?

– Говорить не можем, просили молчать, – написал наш сосед, Толя, – чтобы гулом голосов не привлекать внимания.

Ой, бл... Но Тель-Авив – большой город, почему именно они?!.. Не сразу, но вспомнил Уайлдера, *Мост короля Людовика Святого*, у него это было хорошо рассказано. Если я ничего не путаю, то случай – это не случай, а звено цепи... Ещё – в детстве такая игра была, морской бой, помните? Там в таких случаях говорили: рядом.

Потом Толина жена рассказывала: пришли на Дизенгоф⁴, сидим за столиком, пьем кофе, заказали вина, и вдруг все ка-ак побежали!.. И невдалеке вроде слышались выстрелы. Соседний столик упал, кто-то на бегу стулья сбил... Я увидела какого-то спортивного чувака, который бежал очень уверенно, и села к нему на хвост, побежала за ним, а Толя за мной. За нами бросилась ещё пара. Он свернул в какую-то боковую улицу с Дизенгоф, пробежал по ней немного, нырнул во двор, открылась какая-то калитка и мы все влетели в квартиру на первом этаже. Вбежали и дверь захлопнулась. Нас было человек шесть. Этот спортсмен вроде знал хозяина, все остальные нет. Кто-то шутливо предложил познакомиться. Мы назвали себя.

– Ок, – сказал хозяин. – Беседер⁵.

В комнате, куда нас провели, 14 – 15 метров, *мазане* – так у израильтян называется комната с железными стенами, мини-бомбоубежище, она есть в каждой новой квартире, стояла какая-то мебель, несколько стульев, меня хотели посадить, но сидеть я не могла – меня начало трясти. И тут пришла смс от вас с дыхательными упражнениями. Это было очень кстати. Я стала их делать и мне полегчало.

⁴ Дизенгоф – главная улица Тель-Авива.

⁵ Хорошо (ивр.).

Мы сидели в этом *мазане* часа два, окно было открыто, но жалюзи опущены, свет выключен, хозяин сказал, что должна прийти смс с отменой тревоги. От кого? Оказалось, что тут есть какая-то бесплатная рассылка, специальная, работает при терактах. Ближе к концу на улице начался какой-то шум, голоса, и один из мужчин, сидевших в комнате, вытащил нож и встал у двери. Но голоса утихли.

Потом нас выпустили. Все жали руку хозяину: тода раба, спасибо. Он улыбался... Я вышла и заплакала...

И тут вы предложили переночевать у этой Лены-беженки. (Жена вспомнила и позвонила). Она оказалась в полчаса ходьбы по тихим улицам в сторону моря. Знакомые, хозяева квартиры, уехали в Хайфу и попросили её посидеть с собакой – *именно в этот день*. Из-за теракта в Тель-Авиве перестал ходить транспорт в центре и весь межгород. И такси тоже закрыли на выезд, чтобы эти стрелявшие козлы не убежали.

Лена – из Одессы, она уехала оттуда с детьми в середине марта, а муж остался – мужчин из Украины не выпускают... Никаких, с 18 до 60. Война, военное положение... Во всяком случае, для обычных людей. Его призвали, но не в армию, а в так называемую территориальную оборону, но поскольку он плохо видит, отправили в Карпаты. Там пока тихо, но она живет в постоянной тревоге.

Мы созвонились с ней, и пошли пешком, по навигатору. Шарахались от каждого прохожего. Когда пришли, обнялись и мы обе расплакались. Креативные русские, убежавшие от теракта, прячутся у украинской беженки – это же просто сюжет для ТВ, но наши слёзы были настоящими.

– Впрочем, – сказала Толина жена, – переночевали мы не очень. То ли от стресса, то ли еще от чего-то, я не могла заснуть. Потом я поняла – меня мучило чувство вины перед ней и её детьми, но что с этим делать – я не понимала.

9.04

Я целый день крутился мыслями возле этой истории. Почему с ними? Так близко. *Это*. Зачем? Единственный разумный вариант, который пришел мне в голову – то, что нам *хотели показать*, Бог или Судьба, как хотите: что *весь мир* – сошел с ума, не только Россия, и что мы здесь не спрячемся... А то уже – ребята сумку какую-то модельную купили (забыл название), а я синюю ручку Паркер, в

карманчике носить. На машины стал поглядывать... Рено или Фиат? И т.д.

Вот вам и Фиат с Рено.

12.04

Дня три назад пресс-секретарь Путина сказал *Скай ньюс*, что войну закончат в ближайшие дни, что большие потери, а глава ЕР в думе в своем твиттере назвал его предателем. Сообщения об интервью были в *Ведомостях*... Бульдоги борются уже на ковре. Разговоры о химическом оружии в Мариуполе. Европейцы боятся применения Россией тактического ядерного оружия. В программе Соловьева это открыто обсуждают.

Но если его применят, кроме прочего, ветром может все принести в Ростов?.. Или в Курск?..

Впрочем, я совсем не стратег.

13.04 4.30 утра.

Опять запел мулла в ближайшей арабской деревне. Красиво поет, спокойно. Горят городские огоньки, бело-голубые израильские флаги свисают с балконов, пустая дорога, пальмы, кипарисы... Какой Ростов, где он? Три года скакать, не доскачешь... А вот, всё же думаешь о Ростове.

18.04

Снова пришли холода, но солнечно. Цветет Иудино дерево, очень красивыми, розовыми и красными цветами. Почему Иудино – никто не знает. Говорят, что на нём повесился Иуда, после того, как предал Христа. Но в Библии написано, что он повесился на осине... В общем, непонятно.

Повторюсь, это всё очень похоже на Крым. Кстати, мы жили там зимой по совету самого Евгения Рейна⁶. Были у него на Соколе, году в 2006-м, я брал интервью; разговорились, сидели часа три. Дело было в конце лета, и он вдруг спросил, какие наши планы на осень. Я сказал, что мы собираемся в Крым, там осенью очень красиво. И он сказал, со своей неподражаемой интонацией:

⁶ Поэт из круга Иосифа Бродского. Бродский называл его “своим учителем”.

– Вы неправильно ездите! Надо ездить зимой! Лучше, чем в Крыму зимой, я не жил нигде и никогда!..

Оказался прав – не могли оттуда уехать.

Давно это было...

Пошли на улицу? Жена предложила зайти к этой Лене из Одессы, и взять её на прогулку. Она живет в соседнем доме. Просто погулять, чего она сидит одна? Я немного вздрогнул, за два дня до того получил письмо от давней знакомой из Киева: почему ты, почему вы все – молчите? Нас убивают! Нас бомбят!.. Как вам не стыдно молчать?!..

Стыдно. Почему не стыдно?

Подумав, я согласился. Может быть, поэтому и согласился, что хотел оправдаться в собственных глазах.

В общем, пошли.

Оказалась симпатичная девушка, видел-то я её первый раз... 32 года, двое детей, одному 10, другому 4, по полу разбросаны игрушки, стоит манеж, лежат детские вещи.

Когда прилетели первые ракеты, она схватила какую-то одежду и прыгнула в автобус, идущий в Польшу, а мужа не выпустили, я уже говорил про него.

Кстати, её фамилия – Петрова, я не шучу и ничего не скрываю, когда-то сделали фамилию по папе, из-за советского и украинского антисемитизма, а папа – Петров, он из-под Смоленска, и здесь она её менять не стала. Полтора месяца Лена Петрова сидит в полной растерянности, в Украине – война, Израиль предоставил помощь, квартиру, но старший мальчик каждый день спрашивает – мама, когда мы поедem домой?..

Мы позвонили ей, и она с радостью согласилась прогуляться, взяла коляску и оделась за 5 минут. Мы шли и болтали о каких-то пустяках, но постепенно мне становилось все больше и больше нехорошо. В глазах стояли кадры новостей, разрушенные, обгорелые многоэтажные дома – очень похожие на российские, очень... В какой-то момент, у бензоколонки я вдруг остановился. Чувство вины было таким сильным, что хотелось потереть грудь.

– Слушай, – сказал я вдруг, – прости меня ради Бога, за всё это...

Она даже смутилась:

– Да что ты, я же понимаю... При чем тут вы.

Помолчала:

– Но спасибо.

Потом я подумал, что это какая-то достоевщина. Прямо встал посреди улицы и поклонился в пояс: простите, люди добрые...

Но – после этих слов меня отпустило. Мы пошли дальше и продолжили разговаривать о книгах и фильмах. Старший мальчик шел шагах в десяти впереди. Невысокий, беленький, со смешным коком волос.

Она тихо сказала, что теперь он ничего не хочет покупать на русских сайтах. Они купили ему билеты на концерт какой-то английской группы в Тель-Авиве, он узнал, что она будет гастролировать в России и отказался. Просил сдать билеты. Но теперь, похоже, концерт отменился сам собой.

22.04

Продолжение Еврейской Пасхи. День перехода через Красное море. Похоже, это было настоящее цунами – так как в нашем районе не работает ничего, даже продовольственные. Пошли пешком в Старый город, там некоторые кафе открыты в праздник – странно дома в выходные сидеть.

Спустились вниз с нашего холма, спросили дорогу у какого-то хасида. По-английски.

Он отвечал по-русски:

– А зачем вам Старый город?

– О, вы русский? Кафе. Хотим по праздновать. А откуда вы?

– Из Москвы... Сейчас почти все закрыто. И транспорт не ходит.

– Кое-что открыто, мы узнавали. Надо же где-то посидеть – праздник же.

– В Старом городе открыты только арабские кафе. Вы там хотите праздновать Песах? Пойдемте в синагогу.

– Простите, нет, при всем уважении. Там будут очень долго читать молитвы – мы уже знаем.

Хасид немного подумал, и сказал:

– Хорошо. Пойдемте, я вам сейчас устрою праздник. У меня осталась бутылка вина.

Он помолчал и добавил:

– За диваном... На улице пить согласны?

– Конечно!

Мы пошли вглубь района и минут через пять остановились в каком-то дворе. Вокруг стояли старые блочные дома. Наш новый знакомый отлучился на несколько минут, и принес полбутылки красного вина.

– Извините, я что-то напутал, осталось всего столько...

С ним пришла его младшая сестра, вери-секси-ботаник, бывшая студентка МГУ, а теперь здесь, в магистратуре. Сестра была в очках, тесной кофточке и черной плиссированной юбке ниже колен, в Иерусалиме это почти ‘униформа’ – так часто носят школьницы старших классов из верующих семей. Звали девушку Аней, Ханной по местному, и, знаете – мы замечательно выпили с ними, за Праздник... Хаг Песах sameах!

Хасид, его звали Мордехай, хотя в Москве он был Андреем, принес специальные стаканчики, в серебристой, а может быть, и серебряной оправе – два, и один пластмассовый, одноразовый. Ане стакана не хватило, то ли он обсчитался, то ли забыл про нее – в общем, не хватило человеку стакана. Она сказала:

– Ребята, я могу и из горла, за праздник-то!..

Прямо не девушка, а ангел.

Но Андрей-Мордехай сходил домой за одноразовым стаканчиком (родная душа ведь страдает) и еще принес молитвенник *Тегилат Гашем*. Открыл его на нужной странице, отдал Ане, она повернула книгу к нему, он держал стаканы, пластмассовый поставили на соседнюю скамейку, все стали серьезные, и он стал читать молитву, причем, на иврите. Читал долго. Закончил, сказал “Амен” (аминь). И мы сказали “Амен”. И выпили. Оказывается, надо до дна. Хорошая религия!..

– Точно до дна?

– Обязательно.

– Но я не пью почти...

– Ничего, можно мелкими глотками. Это вино, не водка – о чем мы говорим?

Пришлось выпить. Мелкими глотками. И он, и бывшая студентка МГУ, и моя жена выпили сразу. Немного поговорили, не помню, о чем. Кажется... о Хармсе. Выяснилось, что все его любят.

Потом я спросил:

– Сорри, но почему именно до дна? Какое это имеет значение для Бога? Он что, видит этот стаканчик?

– Эх... – сказал Андрей-Мордехай. – Эх... Нет!.. Ты не понимаешь. Ошибаются те, кто думает, что Богу нужна только молитва, только духовные подвиги. Он настолько велик, что для Него все имеет одинаковое значение – и духовное, и бытовые мелочи. И мы не можем знать, что важнее для Него, молитва или правильно выпитый стаканчик!..

- Интересно, – сказал я.
- В этом суть иудаизма.
- В чем, во внимании к мелочам?.. Что-то похожее говорят протестанты.
- Кто?
- Христиане-протестанты.
- Он немного помрачнел:
- У нас многое украли и христиане, и мусульмане, и протестанты.
- Именно украли? Может, заимствовали?..
- Андрей-Мордехай сходил домой и принес еще полбутылки. Пока он ходил, мы шутили с Аней. Что-то за литературу. Получалось весело. Он принес еще красного.
- Это сладкое. Сейчас смешаем, и будет нормально.
- Он опять разлил вино и стал читать молитвы. Аня с серьезным лицом держала молитвенник. После молитвы все снова сказали “Амен”... Бог создал человека, потому что Ему с нами весело. Он любит с нами возиться. И Он избрал евреев – поэтому в душе каждого еврея частица Бога.
- Именно в душе еврея? – спросил я.
- Я чувствовал, что этого не надо спрашивать, но все-таки спросил:
- Может, каждого человека? Как же либерте, фрaternите, эгалите?
- Это все христианские штучки, сказал Мордехай. – Многим русским евреям православие мешает правильно воспринимать иудаизм!
- При чем тут православие, это же девиз Великой французской революции... – сказал я. – Она боролась с церковью, и во Франции нет православия...
- Но он меня не слушал:
- Нет ни элина, ни иудея, – эта знаменитая фраза – это неправильно, есть!.. Никто не равен, а мы главные!..
- Андрей-Мордехай говорил громко, и я вдруг почувствовал запах вина. Он пьян, – подумал я. – Он уже был пьян, когда нас встретил...
- Из подъезда вышла симпатичная женщина лет сорока.
- Строго спросила:
- Ты с кем тут?
- Андрей сразу успокоился.
- Привет. Это еврейские ребята из Москвы, – сказал он.
- Гуманитарии, – добавила Аня. Она попыталась защитить брата, и делала это неплохо.

– Будешь? – она подняла с асфальта и показала женщине вторую бутылку, на дне которой еще что-то плескалось.

– Нет, – сказала жена, – но впрочем, чуть улыбнулась.

Мимо, степенно беседуя, прошли два молодых человека в черных шляпах и лапсердаках.

– О чём они говорят? – Спросила моя жена.

Жена Мордехая прислушалась:

– О каких-то покупках...

Мне показалось, Андрей-Мордехай рассердился, увидев этих двоих.

– А мы говорим о Боге! – весело сказала Аня.

– Мы вообще правильно справляем Праздник, – сказал я. – Да? – Я переспросил у Андрея.

– Пошли домой, – сказала ему жена. – У нас гости, – церемонно пояснила она.

– Сбежал, – подумал я. – Сбежал из-за стола...

Мы тепло попрощались.

– Хаг sameax!

– Хаг sameax! – С Аней даже обнялись. – Вам бы миссионером работать, – сказал я Андрею.

– А он и работает, – засмеялась его жена. – Только бесплатно.

– Тут нельзя, – сказала Аня.

Андрей-Мордехай промолчал. По-моему, он немного обиделся на мое “эгалите, фратерните”. Но с другой стороны, все были уже немного пьяные. И плюс его строгая супруга.

– В целом хорошо отпраздновали, – сказала моя жена, когда мы шли домой и остановились передохнуть у больших кустов базилика.

Я вспомнил томительные посиделки на Пасху в одной московской церкви, где я иногда бывал, напряженно-испуганных прихожан, пивших чай с пирожками, и старавшегося их развеселить священника.

– Надо сходить в его синагогу, – сказал я. – Они все такие веселые?

– Посмотрим, – сказала жена. – Это было бы здорово, но я не уверена.

25.04 Тель-Авив

Почти два месяца в Израиле, а первый раз приехали. Но – были здесь восемь лет назад, как туристы... Приехали на комфортабельном поезде, полчаса пути, чуть больше. Восемь лет назад поездов

не было. Смотрел на землю и поля по обеим сторонам поезда (восемь лет назад ехали ночью) и думал: это Израиль, еврейская земля. Странно... Странно потому, что слова *еврейская* и *земля* – обычно слова антонимы. В Европе евреи – народ без земли, а слова *поезжай в свой Израиль* в России кажутся ругательством. Почему? Тут ведь хорошо.

Вышли на станции, и попали... – в Америку. Многоэтажные дома-небоскребы, потоки машин, женщины и мужчины в современной одежде... И тропические деревья, цветущие большими ярко-красными цветами. Вот какой – месяц нисан... Медленно пошли в город. У станции – какое-то военное учреждение, много людей в военной форме, высоченный забор, ворота с железными турникетами, через которые входили и выходили молодые мужчины и красивые женщины в тесно облегающей военной форме. Потом забор кончился, сразу пошли четырех-пятиэтажные жилые дома, большая детская площадка, высокие, не меньше 100 лет, деревья. Медленно пошли наугад между домами, спросив, в какую сторону море. Это было интересно – большой еврейский город. Именно еврейский. Прохожие, пассажиры автобусов, водители машин, посетители магазинов, почти все – евреи. Исключительность, ставшая нормой. Ни плюс, ни минус – все обычно.

Посидели в кафешке. Плетеные французские стульчики, галерея, растения (пальмы почему-то в кадках). За соседним столиком какой-то лысый немолодой дядька, похожий одновременно на Мамардашвили и Лакана, с трубкой, что-то писал в планшете... Я подумал, что хотел бы быть таким.

Красивая, толстая деваха-официантка, в клетчатой рубашке, спросила, откуда мы. Из Москвы. Она сочувственно кивнула: берегите себя, для вас трудное время... Но ведь хорошо, что вы здесь, правда?..

Позвонили и пошли к Гробманам⁷. Знаем их с прошлого приезда благодаря покойному Мише Юдсону. Тяжело это произносить – ‘покойный’ был молодым человеком...⁸ Шли по навигатору, не

⁷ Михаил и Ирина Гробманы – выдающийся русско-израильский художник-авангардист и его жена, редактор и критик.

⁸ Михаил Юдсон (1956–2019) – русско-израильский писатель, автор нескольких книг прозы.

узнавая мест. Помним, что они живут почти у самого моря. Рядом – дорогая гостиница. Кажется, её не было. И только зайдя во двор – узнали его. Деревья, окружающие дома, скамейку, окна на первом этаже, через которые видны картины. Все такое же, как в тот раз, только зелень гуще и Миши нет.

Вошли в подъезд, на стенах репродукции, позвонили. Открыла Ирина.

Вот она, квартира, похожая на старые московские и питерские интеллигентские квартиры – все стены в книжных полках. А где нет полок – картины. Странные рыбы и птицы, цветы и надписи на иврите.

В прихожей было полутемно, а в комнате, на свету стало видно, что они постарели – 8 лет прошло. Миша (Михаил Яковлевич) уже не ходит, видно – не здоров, сидит в кресле, не встаёт. Взгляд грустный. Ирина всё такая же – деятельная, энергичная и хлопотливая. С гордостью показала мне их архив – вся стена в одной из комнат в папках. Она большой молодец, все аккуратно разложено... Я не выдержал, сказал: тут есть что-то вроде Государственного Литературного архива в России? Ирина сердито посмотрела на меня (бестактный вопрос), и я не расслышал, что сказала: то ли “есть”, то ли “зачем нам”...

Впрочем, тут же потащила нас на кухню, усадила, налила чай, принесла печенье и сыр, села напротив и сказала: – Ну, рассказывайте. Говорили, конечно, о Москве и об Украине.

Сказала:

– Народ поддерживает Путина.

– С чего вы взяли?

– Митинг в Лужниках, опросы...

– Вы верите их опросам?

Спорить не стал, но почувствовал бессилие. Подумал: зачем ей так думать? Что народ в России *плохой* – зачем?..

Впрочем, хорошо посидели. Заговорили об искусстве, общих московских знакомых, книгах... Ира (сама попросила себя так называть), сказала, что две недели назад на нашем месте сидела Прохорова, и что она вернулась в Москву. Сказала, что не может все бросить – от нее зависят жизни 30 человек, ее сотрудников... Вчера звонила Наташа Иванова, она тоже в ужасе.

Что-то вспомнили Айги, я сказал, что знал его, брал интервью, давно, в середине нулевых⁹. В его квартире в Кунцево, на 1-м этаже. – Гена... – сказала Ира, – Миша с ним дружил. – Миша, помнишь?.. Михаил молчал. Мне показалось, что он плохо себя чувствовал. Поговорили о моей новой книге. Мне показалось, что им не понравилась ее около православная тематика.

Когда женщины вышли, Миша попросил меня помочь ему пересест из кресла в коляску, которую я сначала не заметил. И только подав ему руку, я понял, что он вообще не ходит. Это было очень печально: ещё крепкое, мужское рукопожатие и подгибающиеся ноги. Я понял, что один не удержу и позвал жену. Вдвоём мы пересадили его. Мне показалось, что он был недоволен, что я её позвал, стеснялся...

Надо было уходить, в 23.20 был последний поезд, а идти далеко. Ира проводила нас до дверей, сказала, чтобы мы заходили. Она стояла в дверях, поднятыми руками опираясь на притолоку. Получалось что-то вроде 'распятия'. Я сказал жене, чтобы она сфотографировала её.

Не помню, кто это сказал: авангард – это что-то вроде религии. Выйдя из их двора, мы пошли к морю. Решили всё-таки дойти, потому что было грустно – а оттуда уже на автобусе на станцию. Дошли минут за пять, даже меньше. Помочили ноги, поздоровались, несколько минут послушали шум волн. Не надо борьбы, все пройдет, все, и плохое, и (увы!) хорошее, – вдруг подумал я. – Но имеет значение, что останется на этом песке.

4 утра, вернулись домой. В соседней арабской деревне поет мулла. Опять очень красиво, очень спокойно. Он и этот веселый, современный город, который мы сегодня видели – из разных миров, но страна – одна. Возникло такое сравнение: территории – как жена у нелюбимого, но сильного мужчины. Или наоборот, слабый мужчина у сильной женщины. Хочет уйти, но не может.

28.04

⁹ Геннадий Айги (1934–2006) – русский, советский авангардный поэт. В советское время почти не печатался. Кавалер ордена Литературы и искусств (1998, Франция). Речь тут идёт об интервью 'Поэзия как снег, существует всегда', опубликованном в журнале *Новое литературное обозрение*.

‘Немецкие’ каски на израильских велосипедистах. Кастрюлей. Из-под касок пейсы, но выглядит всё всё равно очень агрессивно и странно.

Когнитивный диссонанс, форма и содержание – или бывшая жертва (невольно) подражает агрессору?..

Кусты роз в человеческий рост, десятки белых цветов. Запах тимьяна. Вечереет, окружающие зеленые холмы... Зеленые холмы Палестины, не Африки – но Африка близко, и всё равно – очень романтично. Подумал в первый раз: не хочу отсюда уезжать. Достала Москва. Одно и то же, по кругу... Троллейбус Б.

Глухие угрозы Путина применить ядерное оружие. Приступ страха: а как же люди? Как же наши, свои, родственники, друзья? Переписка с Анной Б-вой, она тоже в шоке. Долго не мог заснуть. Потом, на следующий день – комментарий ЦРУ и англичан – это блеф, не волнуйтесь. (Будем надеяться, что они знают).

Запись урока иврита, из прошлого ноября (2021), неожиданно нашел в телефоне. Станные звуки давно пришедших смс больше говорят о прошедшем времени, чем наши голоса и чирикание нашей птички Ивана Иваныча на заднем плане.

30.04

Опять переписка с Б-вой. Её проклятия в адрес режима вызывают ощущение бессилия. Говорит, что ‘он’ может нанести ядерный удар, что американцы готовятся ответить тоже ядерно, выстрелить по Кремлю, что “все это очень опасно”... Она переехала в Берлин в прошлом году. Дети работают где-то в Европе на ТВ. Внешне все хорошо, в Берлине поздняя весна...

Стал отшучиваться, вдруг вспомнил араба на Мазерати, которого видел за несколько дней до того. Кстати, первый Мазерати в Израиле – отдохнул от Москвы с её наглым богатством. Что пошло в эту машину: деньги на дорогу, школу, больницу в какой-нибудь арабской деревне?.. Две больницы?.. Или это был известный артист?.. Молодой человек был мил и даже элегантен – притормозил на перекрестке, пропуская меня. Немного пошутили об этом с Б-вой, отлегло. Она очень симпатичная, но сейчас проклятия бесполезны – увы.

Осадок остался тревожный. Вышел на ночную улицу, посидел у детской площадки, долго смотрел на ночной Ерушалаим. Вечный

город, вечный... Будем надеяться, что всё ерунда – про ядерное оружие – но хорошо, что Европа далеко.

1.05

Мир-труд-май

Передача Не-Познера, Мартынов, Архангельский, Седакова... Бредота Вл. Мартынова. Замечательный музыкант, возможно, гениальный, но человек... ээ... не очень умный, мягко говоря... Бывает. Твердый инквизитор-Архангельский. Неплохо выглядящий, бородкой похожий на кардинала Ришелье. Он хочет блага Франции. Растерянная Седакова. Беспольный вечный спор Мартынова и Архангельского под взрывы бомб и стоны умирающих. Не очень понятно и уже даже не важно, о чём... Кирсанов и Базаров на Титанике. Вспомнил, что Мартынов где-то сказал, что Арво Пярту, наверное, заплатили, чтобы он посвятил музыку Ходорковскому, и стало понятнее, легче.

Немного похожи на этот table-talk любимые передачи по ТВ-Культуре. Прежние умные и интересные разговоры выглядят неправдой на фоне войны. Умолчание не работает – это заметно на лицах присутствующих. Нельзя интересно говорить о Бергмане или Фрагонаре под вой снарядов... Отсюда уныние. Всех выкинуло из воды на берег. Лежим, как рыбы, разеваем рты и иногда бьем хвостами.

Фильм Вендерса о фотографe Сальгадо. Начал смотреть в надежде на медитативный рассказ а la *Токио га*.¹⁰ Ошибся, но было полезно. Сальгадо снимал нищету в Южной Америке, войну в Эфиопии в 1990-х, изгнание христиан-коптов, голод, гибель сотен людей от голода – в конце 20 века. Ничего об этом не слышал, был увлечен русской свободой. Почему изгнание? Потому, что “другая вера”. За идущими пешком беженцами (женщины-дети) гонялись на вертолетах. Разумеется, Ми, Россия даже в 90-х продавала оружие негодьям.

Стреляли по бегущим людям сверху...

То есть, похожие на украинскую войну вещи происходили в мире часто. А чеченская война? Забыли о тех страданиях, жертва пре-

¹⁰ Документальный фильм Вима Вендерса о Токио (1982).

вратилась в агрессора?.. А Югославия?.. Значит, такие вещи есть в 'меню' человека, как биологического вида. Просто благодаря Горбачеву и, отчасти, Ельцину, поздний СССР, Россию, они не очень касались. А теперь коснулись.

Но – в результате работы Сальгадо, и по его снимкам об этом узнали, заговорили, приехали 'Врачи без границ', многих беженцев спасли... То есть, художник что-то может сделать, может, слова и картинки не бесполезны – не надо махать рукой и говорить "что мы можем?!"... И я должен продолжать эти записи, может быть, они кому-то помогут.

Правда, в какой-то момент Сальгадо устал, по словам Вендерса, у него началась депрессия и он перестал снимать на социальные темы.

4.05

Плакаты на Храмовой горе: "Евреям и собакам вход воспрещен". Вот это да, отвык от этого здесь... Беспорядки. Кидали пластмассовые стулья в дверь отделения полиции. Сначала удивление, потом страх, потом злость. Не всё так хорошо, как кажется. Тут есть ненависть. Дремучая, как заросли кактуса... Не проредить, ни исправить, только махнуть рукой – пусть растет, но только там, у себя, на своей 'территории'... Поспрашивал у местных – усмеваются, пожимают плечами:

– Это арабы. Мы привыкли.

А некоторые говорят:

– Надо отвечать тоже силой.

Как силой? Тоже стулья кидать?.. Израильская полиция решает: есть ли основания возбудить уголовное дело? А как же свобода слова и совести? Впрочем, за стулья кого-то арестовали. Управляющий совет Храмовой горы обиделся: у нас Праздник, мы (тогда) больше не сотрудничаем с вами!..

Нашел в букинисте книжку *Записки Пу И. От императора к гражданину*. На английском, за 5 долларов. Последний китайский император, автобиография. После захвата власти коммунистами отрекся от престола, попал в лагерь, потом доживал простым служащим, потом пенсионером. Рано умер. Возможно, убили.

На обложке – человек в костюме и шляпе с тонкими чертами лица спускается по лестнице. Рядом женщина в строгом жакете и юбке ниже колен. Метафора очевидна: спускается – к нам... Нынешние

правители России никогда бы так не сделали. Книгу о нынешних можно иллюстрировать картинкой – один человек наверху высокой-высокой лестницы... Спускаться вниз может только аристократ, причем, не обязательно по рождению... Помню очень хороший фильм Бертолуччи по этой книге.

Кстати, издано в Пекине, первый раз в 1965 году, при жизни автора. Второе издание (которое у меня) вышло через 35 лет, в 1989, аккуратно перед Тянь ань Мень. Сидел потом на лавочке с этой книжкой в руках, мимо ходили религиозные евреи в черном... Чувствовал себя немного китайцем.

Большой куст белых роз и горящий желтым, сквозь кусты, уличный фонарь в сумерках. Так и хочется услышать чей-то голос...

Нашел большой атлас *Times* 1968 года. Синайский полуостров обозначен – Israel military zone. Казахстан и Украина – СССР... Раритет. В новостях: папа Римский звонил нашему Патриарху о войне. Тот ему 20 минут читал по бумажке про причины войны – “русский взгляд”. – Брат мой, сказал Папа, давай будем говорить, как христиане... Видимо, как христианам, первосвященникам поговорить не удалось... Потому что больше римский Папа звонить русскому Патриарху не будет, – так сказала его канцелярия.

Утро на балконе. Ласточки – летающие то высоко, то низко. Булгаков, который никогда не был здесь, всё очень точно описал. Прокуратор, Первосвященник, нищий Пророк и тревожные апрельские ласточки, кружащие над городом.

Накануне вечером, в субботу – выпили у раввина Ильи. Илья из СССР, из Минска, мальчиком был увезен родителями в Канаду... Хороший разговор. Проговорили то, что давно думаю: все беседы о *долготерпеливом русском народе* – не имеют смысла. Пробуждение этого народа – катастрофа. С пробуждением приходят Пугачевы и Ленины. А вот *верные преображенцы* или *табакерки* – испытанный способ политической борьбы в императорской России и допетровской Руси... Можно еще небольшое поражение в Ойкумене, на окраине империи – например, Сахалин (1904) или Крым (1856) – это хорошо для начала реформ. Наполеон и прочие были наивны, чудовищно жестоки и имели большое самолюбие: для падения Москвы – Москва не нужна... Где-то я об этом читал, у Ивана Ильина или Гиппиус.

Илья вышел меня проводить. Запел мулла. Забавный фон нашего разговора – граница Иерусалима, цветущая в свете фонаря белым глициния, и горизонтально висящий в небе тонкий, злой полумесяц.

5.05

Феликс Кандель

Познакомились забавно. Я прочел о его книге *Земля под ногами* в предисловии переводчика к *Русскому роману* Меира Шолева, который привез из Москвы. В Москве этот роман совсем не шел, а тут прочел его за 2-3 недели – для меня это быстро. Я подумал, что *Землю* надо тоже почитать – о ней очень хорошо написали.

Через неделю, вечером, гуляли по району с женой. У одного из домов разговаривали два немолодых американца в кипах – их английский всегда слышно. Мы что-то спросили (как куда-то пройти), они ответили. Спросили, откуда мы.

– О, Россия... *Sorry*...

Слово за слово – разговорились. Спросили, кто я по профессии.

– Писатель, журналист? А у меня сосед и мой друг тоже писатель. Вот в этом доме.

– Как фамилия вашего друга? – с не очень большим интересом спросил я.

– Кандель.

Одна знакомая потом сказала, что в Иерусалиме так часто бывает. Он очень пожилой, почти 90 лет, но живой, весело разговаривающий, быстродвигающийся, пьющий маленькими рюмочками итальянскую водку – граппу. Русскоязычный писатель в Израиле. Здесь таких называют *русские*. Маленького роста, худенький, с бородкой, но с большой внутренней силой. Если верить компьютерной реконструкции, примерно также выглядел апостол Павел – внешне слаб и мал, а внутри из чего-то очень твердого...

В молодости, вместе с Курляндским и Хайтом, придумывал сценарии для *Ну, погоди*. Потом участвовал в движении еврейских отказников, попал в милицию, и в 1977 году выехал сюда.

Сейчас – большая двухэтажная квартира в старом доме в районе Рамот, когда-то это была окраина, окна в сад и на склон горы, в доме много цветов, камин, большая терраса, с растениями в горшках. Автор документального многотомника *История евреев России* и около 15 (!) книг прозы... В Израиле он – живой классик. Жена умерла двадцать пять лет назад, есть двое взрослых сыновей, ше-

стеро внуков, сыновья давно живут отдельно, своими семьями. Феликс принимал нас один, но в доме чисто – есть женская рука. Может быть, сам? – предположила жена. Оказалось потом, что права, сам.

Вспоминал Москву, показывал игрушки – деревянный казак на лошади, две интересные самодельные куклы, на стене – очень хорошая чёрно-белая фотография русской деревенской пары – молодой мужик, с всклокоченной бородой, женщина в платке. Что написано на лицах? Терпение. Россия всегда – терпит. Сказал, что там очень тяжелая жизнь – в деревне, фото сделано в Архангельской области, 30 лет назад, в начале 1990-х. Бесплезно ждать от них сопротивления, измученные люди не могут сопротивляться.

Рассказал:

– Знаете, у этой фотографии интересная история. Я увидел её в Нью-Йорке, в доме одного русского эмигранта и фотографа, и она произвела на меня такое впечатление, что я стал его просить – подари, продай, чуть ли не на колени встал. И я так его просил, что он сделал и подарил мне еще один отпечаток, накануне моего отъезда. И я вез ее в руках, в самолете Нью-Йорк – Тель-Авив, боялся помять в чемодане.

Странно выглядела эта фотография на стене дома в Иерусалиме, грустно и странно... Было видно, что и автор фотографии, и он сам – любят этих людей, сочувствуют им, но живут за тысячи километров от них. Неужели только так можно любить Россию – издали?.. (Примеры Гоголь, Александр Иванов, Бунин, Горький, и т.д.).

До войны он часто бывал в Москве – там выходили его книги... Рассказывал, как ездил в 1990-х с Эдуардом Успенским по Подмосковию, как заночевали в каком-то доме, как хозяйка напекла целую сковороду блинов, как ели их со сметаной... А здесь – он любит ездить с сыновьями на Голанские высоты, остановиться где-нибудь, снять комнату, полдома – там очень красиво, покрытые лесом горы, поезжайте, посмотрите.

Было поздно, в соседней арабской деревне, как всегда, запел мулла. Все прислушались.

На полках – московские и питерские книги, Пушкин, Лермонтов, японское *Маньесю*, словарь Даля. Много книг по иконописи. Увлекался... Целый шкаф собственных книг. Две подарил.

Одна из них показалась знакомой. Дома вспомнил, что видел эту книгу в магазине *Москва тридцать лет назад*, в 1990 году, сразу после поступления в Литинститут и даже держал её в руках. Изда-

тельство Слово, оно издавало эмигрантов. Зиник, Горенштейн, Бродский – их книги знал и покупал, в 1990 году это было взрывом. А Канделя не знал, еврейское движение тогда было от меня далеко, потому что мне тогда казалось, что мы – такие же, как все. Это кстати верно, но остальные *такие же* нам не дадут быть не то, что такими же, а даже похожими...

Обложку запомнил – она была сделана в странном, сказочно-карикатурном, немного лесковском духе. Мог ли я думать, стоя на тогдашней улице Горького, что через год Советский Союз кончится, а через 30 лет я увижу автора в его доме в Иерусалиме?.. Нет, не мог. Русская история литературы любит длинные линии... Книги полистал: это продолжение традиции Ремизова, Лескова и даже Шергина. Много, что открывал (прозу) было на русские темы. Причем особенно интересно, что это не придумано и не сделано, это органика, от души. Откуда она у еврейского мальчика из Москвы, проведшего детство на Арбате?..

Про Израиль Феликс сказал неожиданно резко: это мой дом, эта земля – моя, я за неё могу воевать!.. И мой сын воевал за эту землю... Вышли на балкон. Вдали, внизу, километрах в двух, шла трасса Иерусалим–Тель-Авив, по ней ехали редкие машины, горели фонари. Дальше переливались огни Иерусалима.

– Я здесь 45 лет, – сказал он, – это ровно полжизни.

Тут многие такие, по 20, 30, 40 лет живут... Подо мной, на первом этаже, американец-военный, чуть ли не их генерал, в высоких чинах, справа, в соседнем доме корейцы-прозелиты, они не евреи, просто приняли иудаизм, сначала приехали сюда, как туристы, потом их зацепило, здесь такое бывает... Слева румыны, пара, она никогда не здоровается – что значит, бывший соцлагерь.

– Вы религиозны? – Не знаю. Я верующий, но в синагогу не хожу и не молюсь. Но то, что Бог есть, я верю. Он дал евреям эту землю.

8.05

В Израиле уже 30 лет живет моя одноклассница. Когда-то общались. Это она написала смс про теракт, в который попали наши друзья из Питера... Она уехала в 90-х. Сначала жила очень сложно, снимала в Яффо у марокканца крошечную квартиру, потом нашла работу, года через три привыкла. Переехала на север, в маленький городок Кармиэль, работала в Хайфе, долго – 10 лет. Каждый день

ездила на работу на автобусе... Поздно, в пятьдесят, вышла замуж. Муж местный.

Договаривались о встрече долго, то она не может, то я. Нет большого желания? Страшно? Очень давно не виделись... Но по телефону говорили хорошо. Я предложил встретиться в Хайфе. Погуляем, посмотрим, известный город.

Отреагировала нервно: – Ты что? Теракты! Ты что, не слышал?! – Но это же редко и не в Хайфе? – Какая разница! Вся страна крохотная. И, что значит редко, три дня назад! Сядем в кафе в торговом центре, там есть охрана на входе. – Вы дома не гуляете? – Гуляем, у себя в районе.

Откуда этот страх? Это истеричное желание сохранить себя, спрятаться... Ведь это её страна, её земля, тут серьезная полиция...

Вспомнил, как месяц назад по телефону она говорила, что её муж после радиопередачи со Стасом Белковским пошел в магазин и купил десять пачек макарон и тушенки – про запас. Белковский предсказывал мировую войну и голод. По её словам, Белковский теперь носит кипу и цицит. В Москве, мы немного знакомы – этого не было.

Давно-давно, году в 1990-м, один серьезный психолог мне сказал: каждый невроз несет черты своего времени.

10.05

Местная русская

Приехала недавно, месяца три назад. 1. Поздоровались. 2. Спросила (напористо), как я праздновал праздник. – Какой праздник?.. – День Победы! – Пауза. – Маме в смс послал поздравление и цветы. А так я не праздновал. Контекст такой... 3. – И зря. Мы собирались, выпили. – Кто мы? – Местные русские.

Симпатичная, но глаза злые. Из Иркутска, но почти 15 лет в Москве. С ностальгической улыбкой рассказывала о московском кафе Аист на Бронной улице – месте сбора московского и российского начальства, соответствующего бизнеса и жаждущих денег красивых девушек со всей России.

12.05

Мальчик, сын Лены из Украины, рисовал во дворе. Я подошел, посмотрел: так дети в моем детстве рисовали войну. Ту предыдущую, Отечественную. Сверху, у самой верхней кромки листа – бомбочки, летят вниз. Снизу – прямоугольнички с окнами. Это дома. Один из

них до половины сломан и из него растет что-то вроде гриба-поганки – это взрыв. Спрашиваю: что это? Он молчит некоторое время, потом делает надпись, большими печатными буквами:

– Это то, чего я боюсь.

Попросил: подари мне эту картинку? Он удивился, заколебался, потом протянул: возьмите.

Потом она сама зашла к нам *на пять минут, за сахаром*. Посидели, попили чай, поговорили о чем-то.

И вдруг заплакала:

– Ребята, я больше не могу. Сидела в прошлую субботу в гостях, большая семья, дети, родители, бабушки-дедушки, и подумала: а моя семья где?..

15.05

В аэропорту

Приехала давняя знакомая из Москвы, привезла какие-то вещи. Стояли, ждали её у зала *Прибытие* вместе с другими *русскими*. Говорили, о чём придется. О местных делах (документы, аренда, цены, места), об украинских беженцах, им много помогают. Гораздо больше, чем нам, но, наверное, они этого заслуживают?.. Почему-то я машинально оглянулся, почувствовал чей-то взгляд: прямо за мной на парапете сидел мужчина с совершенно гэбешным лицом, типаж, так знакомый по Москве – и от которого я здесь отвык. То ли он слушал, о чём мы говорим, то ли именно в этот момент просто посмотрел на нас... Вероятно, сотрудник посольства, кто ещё может иметь здесь такое лицо? Сразу вспомнил весь московский контекст, ползучий страх без видимой причины... Хотя мы *ничего особенного* не говорили, так, по мелочи.

Это “мы ничего особенного не говорили” – о, Господи, как быстро всё вспомнилось! Вот от этого я уехал, от этого!..

Самолёт задерживался, и я пошел пить кофе. Парень-бариста плохо понимал мой английский. Молодой человек с длинной религиозной бородой, стоявший сзади, помог. Спокойно, доброжелательно, умные глаза. Случайно опустил глаза: на его модной клетчатой рубашке висел небольшой бейджик: *секьюрити. Два мира, два Шапиро* – был такой анекдот.

18.05

Часто слышу: что мы можем сделать? Именно вопрос, а не *разводя руками*.

Отвечаю: главное, что может сделать писатель в нынешней ситуации – это записывать. Чтобы потом сделать из этого романы, рассказы, стихи... По примеру Белля, Кеппена, Фаллады и т.д. *Где ты был, Адам?, Долина грохочущих копыт, Голуби в траве.*

– Где ты был, Адам?¹¹

– В эмиграции, Господи, не на войне.

19.05

Музей искусств в Тель-Авиве, очень хороший, большой, бесплатный день.

Работы многих художников вживую видел впервые – Поллак, Кислинг, Соня Делоне. Кислинг есть в альбоме в Москве. А альбом как-то купил в Пушкинском... Ну ладно, идем дальше.

На 3 этаже выставка современного искусства. Annet Messenger. Интересно.

Много русских посетителей и почти все русские смотрительницы. Стиль общения смотрительниц советский: “Мы тоже домой хотим”. Убежал от них.

Потом вечер в кафе N. Нашей девочки, Ами, нет, вместо неё другая. Расстроилась, когда я у неё спросил про Ами. Потом пришла ещё одна – *русская*. Т.е. мама – из Казахстана. Немного говорит по-русски. Разговорились, насколько это возможно. Сказала, что служит в армии, а в выходные подрабатывает здесь. – В выходные? А армия? – Ну да, на уик-энд их отправляют домой, и она в это время подрабатывает. Спросила, что я читаю. Показал книжку Достоевского. – Кажется, я что-то слышала. – От мамы? – Не помню.

Подробно написала маршрут до автовокзала на чеке. И даже номер автобуса в Иерусалим. – Как тебя зовут? – Дана. – Это библейское имя. – Я знаю. – Ты хорошая, Дана. – Ты тоже. – Когда в армию? – Послезавтра, в воскресенье. – Давай, осторожнее. С арабами надо делать мир. – Прости, но я так не считаю.

22.05

Встретились у магазина с Канделем. Я: вы говорите, что чувствуете себя израильтянином, а пишете, как последователь Алексея Реми-

¹¹ Где ты был, Адам? – фраза из Библии, книга *Бытие*. Стала названием одноименного антивоенного романа Генриха Белля (1953).

зова, да ещё любите Платонова, то есть пишете демонстративно по-русски.

Кандель: я не думаю о том, какой я писатель: русский или еврейский. Я просто пишу.

23.05.22

Пересмотрел *Сталкера*. Переполнен евангельскими метафорами. Знаменитый монолог Кайдановского “то, что очерствело – умрет” и “сделай так, чтобы они поверили”, чтение Фрейндлих *Откровения Иоанна Богослова...* 1979 год, а пропустили ведь. Правда, фильм шел по окраинам и клубам, на широкий экран его не выпускали. Помню, что смотрел его в каком-то кинотеатре у метро Речной вокзал, днем, потому что в *прайм-тайм*, вечером, его не показывали.

Никакой рекламы не было, всё узнал по сарафанному радио. Поехал с тогдашней подругой, серый московский снег, у самого кинотеатра маленькая афиша – *Сталкер*. Сейчас она часто на дисках, а раньше – на видеокассетах. Народу в зале, впрочем, было много. Тогда так часто показывали хорошие фильмы – *В четверг и больше никогда* Эфроса тоже смотрел в каком-то Клубе рабочей молодежи у метро Улица 1905 года. Полузапрещенность повышала мотивацию, как сказали бы сейчас, давала чувство причастности к чему-то важному...

Сталкер меня тогда оглушил.

Говорил об этом фильме со студентом-первокурсником ВГИКа. Попросили помочь. Умный, благополучный мальчик, но абсолютный конформист, сын бизнесмена, приехал в Израиль на каникулы. Сказал, что все очень затянато, но ему понравилось. Впрочем, как-то он понял, о чем фильм, сказал – о вере.

Встреча происходила в кафе недалеко от Иерусалимского рынка, район Махане Иегуда. Очень веселое, колоритное место. Хипстеры, туристы, молодежь, еврейские ортодоксы, красивые репатриантки из Эфиопии – все в одном флаконе. Какая извилистая траектория пролегла от кинотеатра на Речном вокзале до этого кафе. С другой стороны, я всегда понимал (за исключением, может быть, начала 1990-х годов), что возможно, придется уехать... Бунин, Алданов, Бурлюк, Набоков, Довлатов, Солженицын, Бродский. Поплавский, Присманова, Божнев, Несмелов. Etc., etc., etc.

Теперь наш выход, – как когда-то сказал Крученых.